

Он смертельно устал за целый день в дороге. Поездка из Техаса в Сент-Луис была убийственной, но он терпеть не мог летать. Из-за этого поездка стала еще длиннее, но он не возражал против открытой дороги. Все, что ему было нужно, - это несколько бутылок воды, выцветшие джинсы Levi и звук гитары Джо Бонамассы, льющийся из динамиков. Он ценил тишину и покой, позволяя своему разуму блуждать и забывая о стрессе в реальном мире дома.

Прибыв на конференцию, техасец зарегистрировался и поселился в своем номере. Это был хороший номер, он всегда заказывал люкс, когда путешествовал. Его компания могла себе это позволить. Когда все стало так, как ему нравилось, он спустился вниз и осмотрел бар отеля. То тут, то там попадались небольшие группы людей, но в основном там сидели в одиночестве такие же усталые бизнесмены, как и он сам. Он поднял глаза на один из многочисленных телевизоров без громкости. "Почему в барах так делают?" - задался он вопросом, уже не в первый раз. Не было никакого смысла включать пять больших телевизоров без звука на каждом из них. Особенно новости. У них даже не были включены закрытые субтитры. Бесконечная череда взаимосвязанных картинок не имела никакого смысла.

Пожав плечами, он занял место у главного бара. Ему нравилось делать это больше, чем сидеть за столиком в одиночестве. По крайней мере, он мог поболтать с барменом и дать ему хорошие чаевые за компанию. Он поднял палец и заказал бурбон. На нем была чистая пара Levi 501 и рубашка-поло с логотипом его компании на правой верхней части груди. Он чувствовал себя придурком, но его боссу нравилось, когда они носили эмблему компании во время таких поездок. Его начальник никогда конкретно не говорил, что он должен или не должен носить это в баре. Так что он решил, что в любом случае он в хорошей форме. При росте 6 футов 2 дюйма, вороненых темных волосах и почти черных глазах, он поддерживал себя в форме, бегая каждое утро перед работой. Он ненавидел поднимать тяжести и редко утруждал себя этим. Его описывали как "длинного и долговязого". Он полагал, что это соответствует действительности.

Он уже приступил ко второму "Бурбону", когда мягкий, придыхающий голос с приплюснутым среднезападным акцентом сказал позади него: "Не возражаете, если я сяду здесь? Я не хочу сидеть за одним из столиков, это только пригласит кого-нибудь приударить за мной". Взглянув на женщину позади него, он поднял глаза в откровенной оценке. Да, к ней будут приставать. К ней будут приставать, где бы она ни сидела. Она была ростом, наверное, метр девяносто, с длинными рыжими волосами и самыми потрясающими голубыми глазами, которые он когда-либо видел. Она изгибалась во всех нужных местах так, что это было несправедливо по отношению к представителям мужского пола. Она была одета в черную юбку и белую шелковую блузку. Рыжая могла бы быть и голой, потому что он был уверен, что каждый мужчина здесь мысленно раздевает ее догола с каждым ее вздохом.

Мужчина понял, что он, вероятно, разглядывает ее, как подросток на первом свидании. "Продолжай, дорогая", - проговорил он. За годы работы он убедился, что женщины из других стран не могут устоять перед техасцем, когда он говорит "дорогая", поэтому он даже не стал задумываться или заботиться о ее современной женской чувствительности.

Бинго! Женщина улыбнулась. "Дай угадаю... Техас?" Она уселась на табурет рядом с ним. Бармен бросился принимать ее заказ так быстро, что у мужчины закружилась голова. Если ему нужно было угадать, этой рыжей никогда не приходилось долго ждать. Она заказала чай "Лонг Айленд Айс", а затем оглянулась на него. Он указал на свой бокал, чтобы заказать еще один бурбон. Можно и расположиться, подумал он.

"Родился и вырос, Шугар", - ответил он на ее предыдущий вопрос. "Из меня этого не выбьешь". Бармен вернулся с их напитками. Будучи джентльменом, он указал, что ее напиток должен быть добавлен к его счету. Она улыбнулась ему, подняла свой бокал и протянула ему. Они оба сказали: "Ваше здоровье", затем каждый отпил по глотку.

Ее глаза расширились. Эти напитки были крепче, чем даже чай со льдом "Лонг Айленд", а это было чертовски крепко. Мысленно отметив, что не стоит пить больше двух, она улыбнулась своему собеседнику. Его высокая, темная и красивая внешность привлекла ее к бару. Его техасское обаяние удержало ее на месте. Ее туфли на высоком каблуке зацепились за нижний поручень стула, когда она скрестила свои длинные ноги. Она была высокой, и каблуки добавляли ей роста. Она чувствовала, что это усиливает эффект от ее длинных рыжих волос. В отличие от большинства рыжих, ее волосы были мягкими, и она накрутила прядь на палец.

"Я родом из Мичигана", - сообщила она ему. "Сейчас я живу в Айове. Мне кажется, что половина штата переехала сюда вместе со мной после того, как экономика Мичигана пошла на спад". Она сделала еще один осторожный глоток своего напитка. "Я в постели с Большой Фармой, они посылают меня повсюду торговать их таблетками. Что привело вас в Сент-Луис?"

"Я тоже работаю в сфере продаж", - предложил он, постукивая пальцем по логотипу на своей рубашке. "Никакой большой фармацевтики для меня нет. Я обнимаюсь с газом и нефтью. Техас, понимаете?" Он допил третий бокал бурбона, не заметив, что выпил его. Он поднес пустой стакан ко рту и с удивлением увидел, что его больше нет. Бармен крутился неподалеку, несомненно, из-за его новой прекрасной знакомой. Он кивнул бармену. "Готова еще, дорогуша", - спросил он ее?

"Боже, нет", - рассмеялась она. "Я еще немного поработаю над этим. Этот бармен знает свое дело и добавил в мой напиток немного настоящей выпивки". Она протянула ему бокал, предлагая попробовать. Он побледнел при первом глотке. Больше одного такого глотка его бы не устроило.

"Господи, Шугар, хорошо, что тебе не нужно садиться за руль". Затем он сделал паузу: "Вы ведь останетесь здесь, не так ли?". Он надеялся, что все еще выглядит очаровательным, а не "жутким".

Смеясь, она поддразнила его: "Дорогая или сладкая? У меня ведь есть имя".

Он рассмеялся в ответ, прижимаясь к груди. "Не говори мне. Я уверен, что твое настоящее имя - это что-то ужасное, и это разрушит все мое представление о тебе, Шугар". Он наклонился ближе. "Я буду звать тебя просто "Джинджер". Он взял прядь ее волос. "В конце концов, тебе это идет".

"Джинджер" подмигнула ему. "Думаю, меня называли и похуже. Продолжай. А в ответ я буду звать тебя Текс". Она глотнула свой напиток, затем стукнула им о свежий стакан, который был поставлен перед ним. "За твое здоровье, Текс".

Текс никогда не любил голоса, но ее голос заставил его пульс участиться. Как ей это удалось? Как ей удалось придать своему голосу такую придыхательную интонацию, чтобы он не звучал фальшиво? Он предположил, что ей около тридцати, возможно, около сорока, но голос у нее был как у подростка. Причем подростка, сильно перегруженного сексом. Все это был секс, завернутый в обертку цвета имбиря. Он вдруг мысленно представил ее с длинными рыжими волосами и улыбкой. Он почувствовал, что начинает твердеть. "Так ты?" спросил он.

"Что я?" - ответила она, хихикая. Выпивка шла ей в голову. Она посмотрела на бармена, когда он принес вторую порцию. Просила ли она об этом? Бармен указал на другого парня, сидящего за одним из столиков неподалеку. Она взяла напиток и подняла его ему, но показала, что остается на месте.

Наблюдая за всем этим маневром, Текс бросил на парня пристальный взгляд. Он мог найти свою собственную рыжую, но Текс не собирался упускать эту. "Ты останешься здесь на ночь", - пробурчал он. Чем больше он пил, тем сильнее становился акцент. Полировка, если она у него и была, выветривалась. "И, пожалуйста, скажите мне, что я не выгляжу жутко, задавая этот вопрос. Я просто хочу быть уверен, что тебе не придется никуда ехать".

Джинджер снова улыбнулась. Боже, он обожал эту улыбку. Она ударила его прямо в член, который уже был наполовину эрегирован. Ее духи были тонкими, но они попали ему в нос. Все в ней притягивало его. Со своей стороны, Джинджер была навеселе и с каждой секундой все больше очаровывалась мистером Техасом. "Я живу в отеле, и я достаточно взрослая, чтобы пить, папа", - засмеялась она. "Упс, я имею в виду Текса".

"Зови меня "папой", если хочешь, Джинджер". Он усмехнулся, взяв еще одну рюмку. "Но если ты это сделаешь, я оставляю за собой право поставить тебя на колени". Он засмеялся про себя. Боже, он определенно вступал на жуткую территорию, но не мог остановиться. Сейчас он наслаждался мысленным образом ее задницы в его покрасневшем отпечатке руки. Он немного сдвинулся в своем кресле.

Наклонившись вперед, Джинджер постучала пальцем по золотому браслету, сверкающему на его левой руке. "И что бы миссис Текс сказала по этому поводу", - пробормотала она. Черт, он не снял обручальное кольцо. Наверное, потому что он никогда его не снимал. По большей части он не был неверен своей жене. Конечно, пару раз он заблуждался. Ладно, гораздо больше, чем пару раз. Жизнь, проведенная в дороге, не дает человеку покоя. У него была своя политика: Если это произошло не в Техасе, то это не считается. "А Тото, мы уже не в Техасе", - подумал он.

Он изучал ее руки с бледной кожей и длинными пальцами. Ногти она красила в бледно-розовый цвет, который, по его мнению, ей очень шел. Все, что темнее, выглядело бы аляповато. Он заметил израненную кожу на ее левой руке. Постучав по ней так же, как это делала она, он сказал: "Что бы подумал мистер Джинджер", - сказал он, думая, что поймал ее.